

Анастасия Шевердина

Только вместе

Кэт жарила картошку и размышляла над новым заказом. Сшить праздничное платье из клочка ткани такого низкого качества — сверхсложная задача. Вероятно, другая швея отказалась бы тратить время и нервы за копейки, но Кэт и ее клиентки всегда находили общий язык: и заказчики, и исполнительница были в безвыходном положении.

Иногда казалось, что выход все-таки есть, что можно спастись, если приложить усилия. Кэт решила переехать в общежитие и поступить в художественное училище. Выжить самой было бы легче, чем таща на себе этот опостылевший дом. Однако, у каждого человека в жизни есть якорь. Одних он удерживает в безопасных водах, а других просто тянет на дно. Своему якорю — матери — Кэт еще не отважилась сообщить, что собирается отправиться в свободное плавание.

Девушка выключила плиту и заглянула в комнату матери. Худая, желто-синяя женщина лежала на смятых простынях, засунув ногу под дырявый матрац. Сейчас ее состарившееся, темное, опухшее лицо было спокойным, но на лбу и над верхней губой постоянная боль отчеканила глубокие морщины.

Кэт старалась и не могла вспомнить, когда они были счастливы. Казалось, многие сотни лет назад, когда еще был жив отец, их дом был уютным и солнечным, а мать, опрятная и веселая, пекла пироги и варила компоты. Но счастливые воспоминания были бледными и хрупкими, как старые выкройки на пожелтевшей кальке. А вот новые воспоминания, грустные и страшные, надвигались на Кэт черной тучей. Один за другим перед глазами вспыхивали и гасли кадры: толпа взволнованных женщин перед управлением шахты, отец в закрытом гробу, мать в трауре, пустой стол, толстомордый отчим с набитым варениками ртом, мотоцикл отчима на обочине, мать на больничной койке, первый приступ эпилепсии, медпункт, лекарства, лекарства, лекарства, перекошенное от боли лицо мамы, вино, коньяк, водка, водка, водка...

Девушка склонилась над маминой тумбочкой, выдвинула ящик и вытащила из баночки кусочек смолы мирры. Кэт положила смолу на тумбочку и задумалась. Бабушка из церкви обещала исцеление матери Кэт уже через полтора месяца вдыхания запаха мирры, но приступы не прекращались. Возможно, дело было в том, что мать и отчима запах смолы раздражал, и Кэт решалась извлекать смолу из баночки только тогда, когда они спали. Другой причиной, которая препятствовала

исцелению, было мамино пьянство. Приготовленный девушкой настой омелы и порошок из пиона, ряски и солодки неделями стояли нетронутыми, а вот пустые бутылки из-под самогона Кэт не успевала убирать. Вероятно, в этом случае ожидать скорого выздоровления не было смысла.

Сколько Кэт себя помнила, она всегда хотела вырваться — из манежа, из садика, школы, из этой квартиры. И всегда у нее была надежда, что будет куда бежать, что на свободе больше возможностей помочь себе и другим. А еще была надежда, что надежды оправдываются. И ее жизнь наконец озарил солнечный лучик — молодой красавец Иван, отца которого недавно назначили директором шахты. Иван не жалел комплиментов и денег, ему нравились скромность и простота Кэт, ее настойчивость и трудолюбие. Иван обещал жениться, и девушка ему верила.

Кэт улыбнулась, вышла из спальни, осторожно прикрыв дверь. Девушка села за стол, погладила старую швейную машинку и развернула кусок ткани. В их районе только Кэт могла сделать из этой тряпки платье на выпускной. Швея посмотрела на листик с записанными меркам, выбрала лекала и начала работать над выкройкой.

В дверь постучали. Кэт вздрогнула и

отложила работу. Приблизившись к двери, девушка заколебалась. Почему-то сегодня, как никогда раньше, хотелось оставить пьяного отчима на улице. Девушка открыла дверь. Грузный мужчина с мятым коричневым лицом ввалился в комнату.

— Есть давай! — с порога закричал отчим.

— Тише, мать спит! — сказала Кэт и уступила мужчине дорогу.

— Ничерта не случится с твоей матерью!

Отчим, шатаясь, прошел на кухню и набросился на ужин, хватая картошку прямо со сковороды.

Утолив голод, мужчина вытер рукавом жирные губы и приказал:

— Самогона!

— У меня нет самогона! — холодно сказала Кэт.

— Дура! — воскликнул отчим. Мужчина полез в сервант и принялся греметь посудой.

— Там ничего нет! — Кэт было больно слушать, как жалобно звенят бокалы, которые бабушка дарила родителям на свадьбу.

— Пошла вон! — замахнулся на девушку отчим, и Кэт вовремя отскочила к двери.

— Пойду, не волнуйся! Я уже договорилась за общежитие!

— Катись, катись к черту!

— Чтобы ты знал, я забираю посуду с

собой! — предупредила девушка. — И настольную лампу. И машинку.

— Чтооо?! — завопил мужчина. — Ты — забираешь?! Мою посуду?! И лампу с машинкой?!

— Здесь нет ничего твоего!

— Гниииида!

Отчим пришел в бешенство. Он вытаскивал из серванта тарелки и бросал на пол.

— Прекрати! Что ты делаешь?! Прекрати! — закричала Кэт.

— Ах ты стерва! — продолжал отчим. Он оставил сервант и схватил настольную лампу.

— Не тронь! Не смей!

Мужчина засмеялся, швырнул лампу на пол и потянулся к швейной машинке.

— Нет-нет! Только не ее! — завизжала девушка и вцепилась в машинку.

Несколько секунд мужчина и девушка боролись. Наконец отчим толкнул Кэт, и они вместе упали. Девушка чувствовала на себе тяжесть толстого, потного тела и запах перегара. Кэт закрыла лицо руками, спасаясь от побоев, и попыталась перевернуться на бок. Отчим не бил ее, но и не позволял освободиться. Мужчина растегнул ремень, и Кэт сжала зубы, предчувствуя боль, которую ей придется вытерпеть. Только один раз в жизни отец ударил Кэт ремнем, но боль и

обиду она помнила до сих пор.

Впрочем, отчим не снял ремень, а возился с брюками. Наконец Кэт поняла, к чему идет дело, и закричала:

— Мама! Мама!

Мать, потревоженная шумом, села на кровати и схватилась за голову. Мутными, бессмысленными глазами она смотрела на дочь и тихо стонала.

— Мама! Мамочка, помоги! — умоляла Кэт.

— Молчи, сволочь! — захрипел отчим и наотмашь ударил девушку.

Щека загорелась, Кэт сопротивлялась. Мужчина схватил девушку за волосы и изо всех сил ударил затылком об пол. Кэт захлебнулась воздухом, закружилась голова. Из последних сил она высвободила правую руку и попыталась оттолкнуть нападавшего. Отчим вцепился в ее шею, квартира поплыла перед глазами. Прежде чем провалиться в темноту, девушка успела заметить, что мать снова легла на кровать и накрылась с головой простыней...

Когда Кэт очнулась, в комнате уже начинало смеркаться. Девушка с трудом поднялась на ноги, ощущая сильную слабость и боль в груди. Кэт чувствовала себя отравленной и раздавленной, ею овладело странное омертвление. Руки и ноги

онемели, в ушах гудело, мысли едва шевелились. Кэт понимала, что ей нужно уйти, выбраться из этой ловушки наружу, глотнуть воздуха. Что дальше — неважно.

Отчим спал рядом на полу, раскинув руки. Кэт видела перед собой труп, труп ненасытной твари, от которого хочется поскорее отвернуться. Девушка переступила через него и прошла к двери. Тупая боль внизу живота проснулась, когда Кэт спускалась по лестнице.

Девушка сама не поняла, как ноги принесли ее к двери квартиры жениха. Сердце колотилось, кровь стучала в ушах. Кэт бесконечно давила на кнопку звонка, но не слышала за дверью ни звука. Вероятно, Иван, только что поступивший в институт, углубился в какую-то книгу и не хотел прерывать обучение.

Иван был единственной ее надеждой, единственным родным человеком во всем мире. Он все поймет, все простит и всегда поможет. Найти приют в крепких объятиях, прижаться к груди, почувствовать виском тепло его губ — вот ее спасение и ее будущее. Свадьба, переезд, жизнь в каком-то приятном, тихом городке — счастье еще возможно! Нельзя оставаться здесь при таких обстоятельствах ни в коем случае! Если и была жизнь — она была в другом месте. Эти проблемы

нельзя было решить, от них можно было только бежать.

Наконец дверь открылась. Иван был в клетчатом халате, запыхавшийся и со взлохмаченными волосами. Юноша таращил на Кэт глаза и ничего не мог сказать.

— Мне холодно, ты меняпустишь? — спросила Кэт и не узнала собственный хриплый голос.

Иван отступил вглубь квартиры, девушка зашла в коридор.

— Что случилось? — одними губами спросил Иван.

— На меня напали. Помоги мне! Можно остаться у тебя?

— Дорогой, кто там? — послышался голос из спальни. Голос был слишком молодым, чтобы принадлежать матери.

Девушка испуганно посмотрела на жениха.

— Кэт, ты бы лучше шла домой! — быстро сказал Иван. — Давай в другой раз, хорошо? Я дам тебе денег на лекарства!

— Что?! — Кэт казалось, она не понимает, что именно говорит парень.

— Иди домой, я сказал! — сердито повторил Иван.

— Кто там? Что происходит?! — из темноты

спальни вынырнула, прикрываясь простыней, высокая стройная девушка с распущенными черными волосами.

— Котенок, не волнуйся: это одноклассница! — льстиво сказал Иван, прижимая обнаженную девушку к себе.

У Кэт оборвалось сердце. Боль в груди снова дала о себе знать, руки задрожали, перед глазами вспыхивали желтые и зеленые пятна.

— Что с тобой?! Ты пострадала?! — с ужасом и отвращением смотрела на Кэт соперница. — Тебе что-то нужно?!

— Мне ничего не нужно, — едва ворочая языком, сказала Кэт. Единственное, чего бы она могла пожелать, — чтобы этой девушки здесь не было, чтобы ее белые, холеные руки не касались Ивана. Но этому желанию не суждено было сбыться.

— Тогда почему ты здесь?!

— Меня здесь нет, — тихо сказала Кэт и вышла из квартиры.

Дверь тут же захлопнулась за ее спиной. Слезы лились из глаз Кэт. Девушка на ощупь нашла кнопку вызова лифта, зашла в кабину. Что теперь делать? Как жить с тем, что ты — пустое место? Наверное, ничего не надо делать. И жить не стоит. Ее здесь нет. Ее не было. И не должно быть.

Кэт нажала на кнопку девятого этажа.

Девушка вышла из лифта и поднялась на чердак. Дверь здесь всегда была открыта, и Кэт с Иваном несколько раз поднимались на крышу многоэтажки, чтобы посмотреть на шахту и террикон на закате.

Кэт подошла к краю. Город лежал под ногами темный, закопченный, страшный. Сумерки давили на плечи. Все тело болело, словно на девушке не осталось живого места. Как ее может не быть, если ей больно?! Как они могут снова и снова ранить, если она уже вся в крови, если она обессиленная?! Зачем бить ее, если она уже повержена?!

— Ты не повержена, пока ты жива! — зазвучал в сознании чей-то чистый, мягкий голос. — Не все можно исправить, но все можно пережить!

Пережить?! Нет! Жить уже не получится! Мучиться, страдать, изнемогать от боли и страха, шарахаться от людей, ненавидеть мужчин, плакать, голодать, слепнуть по ночам над шитьем — да! Жить — нет! Умерла — так умерла!

— Не выдумывай! Живи, пожалуйста! Ты сможешь начать заново, с чистого листа! Есть люди добрые, преданные, искренние! Ты найдешь их, и они помогут тебе подняться! Ты не одна!

— Я — одна! Если я одна сейчас, на этой крыше, то плевать, кто был и будет в моей жизни!

— У тебя есть мать, она нуждается в твоей помощи! У тебя есть друзья, которые расстроятся

из-за твоей гибели!

Кэт было безразлично, кто в чем нуждается, и кто что чувствует. Они убили ее, все они, и они не заслуживают сочувствия.

— Они заслуживают искупления! А ты — будущего! Тебе надо жить, осуществить свои мечты, познать истинное счастье!

— Мне ничего не надо! — решительно сказала Кэт и шагнула.

Бездна разверзлась, холод и ужас пронзили ее тело. Кэт слышала нечеловеческий крик. Она инстинктивно цеплялась руками за воздух, но, как всегда в жизни, не находила опоры. Это все, все, конец! Сердце трепыхалось в агонии. Девушке казалось, что ее тело сейчас лопнет. Она чувствовала приближение земли. Немой испуг парализовал Кэт. Девушка почувствовала сильный удар и ужасную умопомрачительную боль. Кэт успела обрадоваться тому, что эта боль — последняя.

* * *

Кэт слышала над ухом всхлипывания. Первая мысль кольнула, как игла, — выжила! Спасли! Осталась инвалидом!

Открывать глаза не было сил. Все надоело! Все бессмысленно! Не удалась ей жизнь, и даже

смерть не удалась! За что? За что?!

— Дурочка! — выдохнул кто-то ей в ухо. — Что ты наделала?!

Кэт заставила себя открыть глаза. Девушка лежала на спине, а над ней, будто крышка гроба, висело низкое стальное небо. В поле зрения появился разъяренный бледный парень. Черные кудри торчали в разные стороны. Светло-голубые глаза горели неумемной злобой.

— Ты! Вставай! Вставай и объясни, зачем ты умерла! Ты — молодая, здоровая, красивая! Вставай! Давай, расскажи мне, почему я должен погибнуть?!

Кэт поднялась на локтях. Безумный парень продолжал стонать, но девушка не слушала, оглядываясь вокруг. На сколько хватало взгляда, тянулись серо-зеленые пески. Ни единого деревца, ни единого кустика, ни единой травинки. Холодная пустота, тихая бесконечность. Только голос сумасшедшего наполнял неоглядные серые просторы. Где ее дом, больничные стены, где кладбище, в конце концов?! Что за черт?!

— Где я? — тихо спросила Кэт.

Девушка встала, отряхнула с юбки песок. Безумец не слышал. Безумец плакал, уткнувшись лицом в ладони.

— Эй, ты! — Кэт осторожно прикоснулась к руке парня. — Где мы? Чего ты плачешь?

Парень не отвечал. Острые плечи его вздрагивали от беззвучных рыданий. Тишина тисками сдавливала голову — липкая, холодная, неестественная тишина.

— Не плачь! — попросила Кэт. — Мне тяжело смотреть, как люди плачут!

Парень взглянул на нее и всхлипнул. Слез в его красных глазах не было.

— Ишь ты, какая гуманистка! — поморщился парень. — А легко, думаешь, смотреть, как люди прыгают с крыши?!

— Что?!

— Что слышала! Ты видела, как раскалывается череп и брызжут на асфальт мозги? Нет?! А я видел! Спасибо!

Голос сумасшедшего казался знакомым. Голос звучал в ушах, умоляя одуматься, уйти с крыши, подумать о матери, о друзьях, о жизни, которая будет впереди. Голос убеждал, что хотя и не все можно исправить, но все можно пережить. Кэт недоверчиво смотрела на парня.

— Ты?...

— Да, я! Я был с тобой! Какой идиот! Пустые надежды! Все бесполезно! Господи, ну почему я снова должен умереть ни за что?!

— Снова? — шокировано спросила Кэт. — А ты...

— Только не надо притворяться, что ты не

поняла! — закричал парень. — Я сразу же почувствовал, что умер!

— Я умерла?! Конец?! — облегченно выдохнула девушка.

Парень глубоко вздохнул и вытер ладонями впалые щеки.

— Ты умерла. Но это не конец. Это длинная история.

Парень подал Кэт руку и представился:

— Андрей.

Девушка едва коснулась ладони.

— Кэт.

— Кэт? Ты англичанка?

— Катя Козлова. После «Семнадцати мгновений весны» прицепилось.

— Ааа! — улыбнулся Андрей. Глаза парня на мгновение сверкнули майской голубизной и погасли. — Радистка, значит?

— Нет, швея. А ты?

— Поэт. А вокруг если не проза, то драма!

— Хватит с меня драм! Можно сразу к делу?

— К делу — можно, — пожал плечами Андрей. — Только вот плохи у нас дела, понимаешь?

Кэт еще раз огляделась и вздохнула.

— Я ничего не понимаю! Что это за место?

Ад?

— Во-первых, сразу хочу предупредить, что

никому не известно, что это за место и где оно находится. Путем индукции и дедукции, а также благодаря методу наблюдения и непосредственной практике удалось установить, что мы находимся в своеобразном чистилище во вселенной, которая перпендикулярна нашей.

Кэт криво улыбнулась.

— А ты, значит, умник? Давай сразу договоримся — разговаривай со мной по-человечески: я голову ломать не люблю и не буду!

На лицо Андрея упала тень.

— А ты, значит, не любишь умников? — холодно спросил парень.

— Я никого не люблю! — категорически ответила Кэт. — Я любила, и любовь завела меня на крышу многоэтажки. С меня хватит.

— Но любовь — единственное, ради чего действительно стоит жить! Любовь...

— Все бред и ложь! — прервала Андрея Кэт. — Когда в следующий раз тебя потянет на романтику — вспомни мои мозги на асфальте. Надеюсь, это спасет тебя от повторения моей судьбы!

Парень брезгливо поморщился и отвел взгляд.

— Ну, дальше! Что там с чистилищем и этой... вселенной?

— В это место попадают только самоубийцы.

Законы здесь довольно простые. Человеку предоставляется второй шанс на жизнь. С философской точки зрения... — Андрей покосился на кислое лицо Кэт и запнулся. — Пожалуй, я лучше буду сразу на примере объяснять.

Девушка кивнула.

— Например, я. Я покончил с собой, когда мне было девятнадцать. Мне дают еще девятнадцать лет, чтобы я определился, хочу ли я жить. Если я не хочу жить, я могу просто слоняться по пустыне и ничего не делать. Девятнадцать лет пройдут, и я окончательно перестану существовать. Если я захочу жить, я должен буду помогать людям там, дома, и тогда через девятнадцать лет я снова появлюсь на свет, забуду свое прошлое и получу новую жизнь в другом теле. Но есть и другая возможность — для тех, кто не боится рисковать. Можно спасти человека от самоубийства. Тогда срок пребывания в чистилище уменьшится на столько лет, сколько исполнилось спасенному самоубийце.

— А если самоубийцу не удастся спасти?

— Тогда эти годы считаются потерянными, просто растраченными. Их можно вычестить из срока своего пребывания в чистилище. Собственно, окончательная гибель в таком случае почти неизбежна. Кстати, сколько тебе полных лет?

У Кэт вдруг похолодели ноги.

— Шестнадцать.

— Прекрасно! — горько улыбнулся Андрей. — Мне осталось чуть больше полугода побыть призраком — и я исчезну!

Кэт задушила в себе росток жалости к парню и сказала:

— Вот и хорошо! Разве не этого ты хотел, накладывая на себя руки?

— Я хотел жить! — возмущенно воскликнул Андрей. — Я и сейчас хочу!

— Так все, кто хочет жить, себя убивают?! — улынулась Кэт.

— У меня не было выхода! Я просто не хотел...

— У всех не было выхода! — воскликнула Кэт. — Оттуда вообще нет выхода — даже в гробу, как оказалось! Жизнь — дерьмо! И смерть — тоже!

— Что ты говоришь?! Если ты спасешься, если будешь жить, я не пожалею...

— К черту! — завопила девушка. — К черту тебя и меня! К черту жизнь! К черту эти проклятые законы! Я не буду жить! Не хочу! Я хотела умереть, и я умерла — меня уже не спасешь! И вообще, спасаться надо не для жизни, а от нее!

Андрей открыл рот, будто собирался возражать, но вдруг сник, скис и опустил глаза.

— От себя не спасешься. Бесполезно. Все бесполезно!

Парень развернулся и пошел прочь.

— Ты куда? — закричала Кэт.

Андрей не ответил. Он шел, едва переставляя ноги, и смотрел невидящим взглядом прямо перед собой.

— Куда ты? — еще раз спросила Кэт, догоняя парня.

— Никуда, — тихо ответил Андрей.

— А что там? — девушка указала пальцем в том направлении, куда двинулся парень.

— Ничего.

— А зачем ты туда идешь?

— Больше некуда.

— А если туда? — Кэт указала в обратном направлении.

Андрей беспомощно пожал плечами.

— Здесь повсюду некуда идти.

Кэт замолчала и шагала рядом с парнем. Ноги тонули в песке, не чувствуя песчинок. Небо отяжелело от влаги. Кэт то и дело поглядывала на низкие облака, но дождь медлил.

— Как думаешь, когда будет дождь?

— Никогда, — буркнул Андрей, не глядя на собеседницу.

— Слушай, может бы ты поплакал? — не удержалась Кэт.

— Слушай, может бы ты пошла куда-нибудь?! — прошипел Андрей.

— Я не хочу никуда идти!

— А я не хочу разговаривать! — бросил через плечо парень, двигаясь дальше.

Кэт следовала за ним. Дождя все не было. Ветер будто задохнулся. Глубокая, безграничная тишина незаметно переливалась в серые пески. Кэт и Андрей шли уже много часов, но конца-края пустыни не было видно. Невозмутимость этого мира угнетала. Спокойствие было мертвым.

— Андрей, ты не устал? — спросила Кэт.

Андрей резко остановился, будто налетел на невидимую стену. Обернулся и впился в спутницу ледяным взглядом.

— Ты правда не понимаешь? Ты не чувствуешь?

— Что?! — растерялась Кэт.

— Ничего! Ты ничего не чувствуешь, разве не так?!

Кэт прислушалась к себе и вдруг осознала, что ей не давало покоя все это время, что раздражало, что распирало изнутри. И эта догадка, словно молния, озарила весь этот серый, неподвижный, мертвый мир. Она не чувствует! Не чувствует ничего! Ни дуновения ветра на коже, ни пыли в глазах, ни боли в мышцах, ни урчания желудка. Даже сердце не бьется!

— Мы никогда не устанем, Кэт! — с грустной

улыбкой сказал Андрей, увидев в глазах девушки немой ужас. — Никогда не сможем заплакать. Никогда не захотим спать. Нам не нужно есть и пить. Мы не чувствуем прикосновений. Мы ничего не чувствуем, как ты и хотела. Мало кто из людей нас видит — разве что дети и некоторые взрослые в состоянии измененного сознания. Но мы живы. Не знаю, как это возможно. Абсолютно абсурдная с точки зрения науки и здравого смысла ситуация. Ситуация, из которой мне теперь нет выхода.

Кэт села на песок, обхватила руками худые колени. Она не устала, нет! Просто не хотелось идти. Ничего не хотелось.

— Мне страшно!

— Так и должно быть! — Андрей опустился рядом с ней на колени. — Бытие — ужасно. А небытие — еще ужаснее! Ты думала, что это ад. Но это не ад, потому что мучений в обычном понимании здесь нет. Здесь единственная всеобъемлющая и неизбывная мука — пытка отсутствием. Люди не понимают, что есть счастье неосязаемое, счастье самой жизни — счастье дышать, есть, видеть сны. Не знал настоящих мучений тот, кто не терял зрение, слух, способность двигаться, справлять естественные потребности. Люди считают, что самые страшные несчастья обрушиваются на них извне. Но настоящие беды всегда подстерегают и зарождаются внутри.

Девушка вздрогнула от внутреннего холода.

— А смерть тоже зарождается внутри? — шепотом спросила она.

— Конечно! — так же шепотом ответил Андрей. — Как и жизнь!

Андрей и Кэт молча шли по пустыне, глядя под ноги. Каждый думал свою невеселую думу. Кэт посмотрела вперед и увидела вдалеке на песке черную точку.

— Что это такое? — дернула парня за рукав Кэт.

— Человек, — не глядя, ответил Андрей.

— Здесь много людей?

— Больше, чем ты думаешь.

— И что они делают?

— Каждый — свое. Большинство пытается спастись.

— А ты хочешь?

— Хочу! — твердо ответил Андрей. — Но я не знаю как. Теперь — не знаю.

Кэт искоса посмотрела на бледного, изможденного спутника и тихо сказала:

— Прости меня!

Андрей пожал плечами.

— Все-таки, ты единственный, кто оказался небезразличен к моей жизни и моей смерти, хотя у тебя и был свой интерес. А я подвела тебя. Я

подтолкнула тебя к гибели. Как это похоже на жизнь! Мы всегда больше вредим тем, кому мы безразличны.

— Ирония судьбы! — грустно улыбнулся парень. — Но я всегда боролся с абсурдностью жизни. Хотя, возможно, это и абсурдно.

— Так борись и дальше! — предложила Кэт. — Может, есть способ помочь твоей беде?

— Теоретически — да. Можно попробовать спасти от самоубийства еще одного человека. Но если мне это не удастся — мы оба проиграем. Самоубийца потеряет свою жизнь, а я — всякую надежду. Знаешь, — Андрей внимательно посмотрел на Кэт, и его ярко-голубые глаза обожгли девушку, — я не уверен, что для меня есть смысл умирать ради кого-либо.

— Смысла нет, — уверенно сказала Кэт. — Ни в чем нет смысла!

Молодые люди снова замолчали. Черная точка все приближалась, приобретая человеческие очертания. Наконец Кэт разглядела на песке дородного мужчину лет пятидесяти — сонного, лысого, с помятым желтым лицом.

— Кто это? — шепотом спросила девушка.

— Джон Смит.

— А ты всех здесь знаешь?

— Нет, далеко не всех. Люди появляются и исчезают, не все представляются. Но этого

американца знают почти все. Он уже более тридцати лет вот так невозмутимо лежит на песке.

— Не хочет жить?

— Ничего не хочет.

— Ну и правильно!

— Правильно?! — вскипел Андрей. —

Бездействие — досрочная смерть!

— Ой, не смеди мою пятку! Мы уже умерли!

— Дураки и слабаки умерли, а умные и сильные — живут и будут жить!

— Тссс! — Кэт сжала руку Андрея. — Он же слышит!

— Пусть слышит! Во-первых, я прав, а с правдой грех таиться. Во-вторых, ему все равно.

Андрей молча прошел мимо Джона Смита, Кэт приостановилась и поздоровалась. Смит кивнул и снова поднял глаза к низкому серому небу. Кэт догнала Андрея и заглянула ему в глаза.

— По-твоему, я тоже слабачка и дура?!

— Очевидно, — спокойно ответил парень.

— Я терпела, покуда могла! Больше не было моих сил выносить такое издевательство!

— Ну конечно, умереть значительно легче, чем жить! Жить и бороться.

— Кто бы говорил! — прошипела Кэт. — Если ты такой умный и сильный, то почему же покончил с собой?!

— Я люблю жизнь и не боюсь смерти! —

Андрей остановился и внимательно посмотрел девушке в глаза. — Но умирание — это совсем другое дело! Не страшно умереть, страшно умирать. Умирать долго и мучительно, теряя человеческие черты и все свои добродетели. У меня был рак. Рак мозга. Я превращался в животное. Я жил как человек, я лелеял в себе человека долгие годы. Я не мог позволить болезни забрать у меня не только жизнь, но и мою личность — меня самого. Я совершил самоубийство, но я не убил себя. Я умер с жадной жизни, ненавидя слабость духовную и физическую. Своей смертью я поправил смерть. Смерть мне по колено!

Непонимание в глазах Кэт вдруг сменилось восторгом.

— Ты молодец! — улыбаясь, сказала девушка. — Ты достоин жизни!

— И ты достойна! Мы все достойны! — глаза Андрея излучали спокойную уверенность и свет. — Мы будем жить! Мы сможем!

— Я не хочу, — нахмурилась Кэт. — Не могу. Это — не мое.

— А что — твое?! Разве есть варианты?

Кэт хотела ответить, но яркая вспышка отвлекла ее внимание. Из воздуха возникла женщина. Она посмотрела на парня и девушку, поздоровалась и пошла прочь.

— Что это к черту такое?! — спросила Кэт.

— Женщина вернулась из мира людей в чистилище, — будничным тоном пояснил Андрей.

— Так здесь выход в наш мир?

— Не только именно здесь. Когда ты сосредоточишься и представишь какое-либо место в нашем мире — ты перенесешься туда. Когда ты захочешь увидеть какого-то человека — ты увидишь его и сможешь оказаться рядом.

— Это так просто?!

— Запомни, Кэт, — улыбнулся Андрей, — все самое важное в нашей жизни — просто. Выход есть всегда, даже если ты его не видишь!

Андрей и Кэт медленно приближались к пожилому мужчине, который сидел на коленях и пальцем что-то писал на песке.

— Это кто? — спросила Кэт.

— Кавабата Ясунари! — сказал парень, многозначительно выпучив глаза.

— Кто?!

— Это японский писатель, получивший в 1968 году Нобелевскую премию по литературе! — с восторгом сказал Андрей.

— И что ему с того?

Парень пожал плечами.

— Не знаю! Да какая разница?! Эта высокая награда прекрасна сама собой!

— Угу-угу! — ехидно сказала Кэт. — Такая

прекрасная, что он даже умер от радости!

— Вот только не надо злорадствовать по этому поводу! — глаза Андрея мгновенно превратились в две льдинки. — Смерть — это не повод для смеха! Тем более — смерть выдающегося человека!

— А почему он умер?

— Я не знаю. Ясунари не говорил.

— Значит, плохо спрашивал!

— Хочешь — спроси у него сама! — поморщился Андрей. — Мне неудобно и больно лезть к человеку с такими вопросами!

— Вот и спрошу! — Кэт трянула рыжей гривой, наморщила носик и подошла к старику.

— Привет! — сказала дедушке Кэт.

Мужчина ласково посмотрел на Кэт и сказал:

— Добрый день.

— Скажите, а вы радовались Нобелевской премии?

— Да, конечно!

— А что она вам дала?

— Мне было приятно, что обо мне узнало больше людей, что мой труд высоко оценен.

— А деньги дали?

— Дали. Но деньги приносят счастье только в юности, — улыбнулся Кавабата.

— А если бы вам не вручили эту премию? Вы были бы счастливым человеком?

— Я был счастливым человеком! — уверенно сказал японец. — Я состоялся как личность и как художник. Ни одна премия уже ничего не могла добавить.

— Если вы были счастливым человеком, то почему же вы покончили с собой? — смело спросила девушка.

— Все заканчивается — и счастье тоже, — грустно улыбнулся Кавабата.

— Но согласно вашей логике, — вмешался в разговор Андрей, — несчастье тоже конечно!

— Несомненно! — кивнул седовласый писатель.

— Зачем было умирать?! Надо было подождать лучших времен!

— Я не привык ждать! — категорически сказал Ясунари. — Достойные люди должны менять жизнь сами, а не ждать возможных изменений! Вообще, смерть не имеет значения. Имеет значение лишь решимость умереть!

Андрей задумчиво потер лоб и тихо сказал:

— В этом вы правы!

— А знаете ли вы, молодые люди, что кодекс чести самурая учит жить так, будто ты уже умер?

— Я жила так, будто я умерла, — сказала Кэт. Злая улыбка коснулась ее губ. — Значит, я — самурай?!

— Ты умерла, чтобы сохранить свою честь?

— В некотором роде.

— Тогда ты — настоящий воин! — радостно сказал Кавабата.

Кэт улыбнулась — ласково и благодарно.

— Но вы могли бы написать еще много прекрасных произведений! — продолжал Андрей.

— Я пишу! — Ясунари указал рукой на песок. — И это — лучшее, что я написал за свою жизнь!

Кэт отдалилась на несколько шагов, и буквы на песке сложились в слова: «Будь человечным. Твоя доброта исцеляет не только окружающих, но и тебя самого».

Андрей полежал на песке, постоянно ерзая, словно что-то ему мешало, а потом встал и сказал:

— Я так не могу! Сегодня Вовка поступает в институт!

— Что за Вовка? Что за институт?

— Вовка — это мой двоюродный брат, — пояснил парень. — И он поступает в КПИ.

— Нуууу, прекрасно! — зевнула девушка. — А ты здесь при чем?

— Я должен помочь ему написать вступительное сочинение!

— Серьезно? — улыбнулась Кэт. — Так вот как ты помогаешь людям? Подсказываешь на экзаменах?

— Я делаю все возможное, чтобы помочь своим близким!

— Даже если это противозаконно?

— Нет, противозаконных действий я не совершал! — горячо заверил Андрей. — Конечно, бывают случаи, сомнительные с моральной точки зрения, как вот сейчас. Но я оправдываюсь тем, что добро никогда не может быть ошибкой! И кстати, другим людям тоже помогают. Иногда мы даже не догадываемся, сколько усилий многих людей стоит за чьей-то незначительной победой!

— Ой, мне все равно, можешь не оправдываться! — махнула рукой Кэт.

— Хочешь со мной?

— Нет! Я ничего не хочу! — вздохнула девушка.

Андрей сел рядом с Кэт на песок и грустно улыбнулся.

— Ты чего? — удивилась девушка.

— Сегодня твои похороны. Сочувствую! Ты пойдешь?

— Ты что, свихнулся?! — вспылила Кэт. — Чтобы я пошла на собственные похороны? Пошла к ним, к этим скотам?!

— А что тут такого? — пожал плечами Андрей. — Я ходил на свои похороны. Мне было интересно. И потом, я хотел поддержать родителей.

— Мне некого поддерживать! — резко сказала Кэт.

— Хочешь, я схожу?

— Нет, не иди! Если хочешь помочь, побудь со мной! Ты мне нужен здесь!

Андрей встал и приказал Кэт:

— Поднимайся!

— Зачем?

— У тебя была мечта где-то побывать?

— Конечно, была! Я хотела посетить Киев, Москву, Минск...

— Значит, посетим!

— Ты серьезно? — улыбнулась девушка.

— Начнем с Киева! Мы можем в следующее мгновение оказаться в любой точке мира! Если путешествовать не сейчас, то когда?

Вернувшись из странствий, Кэт легла на песок и закрыла глаза. Хотелось как можно дольше сохранить перед мысленным взором все увиденное. Андрей опустился на бархан рядом с девушкой.

Кэт улыбалась. Сколько новых прекрасных впечатлений дал ей этот день! Чего только стоят Крещатик, Лавра, Владимирская горка! Неужели человек на самом деле может быть счастлив? Неужели у нее действительно есть друг, который поддерживает, советует, помогает, дарит силы и радость?

— Как думаешь, я могла увидеть все это при жизни? — спросила парня Кэт.

— Технически — могла. Для этого ведь не нужно больших денег или ума, только желание. Но ты могла просидеть всю жизнь в своем городке и не увидеть ничего дальше твоего носа. Счастье и несчастье — лишь следствие нашего выбора.

— Я с тобой не согласна! Очень многое в нашей жизни от нас не зависит. Возможно, иногда у человека и есть выбор, но не всегда есть кому поддержать, подсказать, защитить...

— Для этого и нужны друзья! — улыбнулся Андрей и пожал маленькую ладонь Кэт.

— Спасибо тебе! — сказала девушка и отвернулась. Сегодня она жалела, что не может плакать.

Спустя несколько дней Кэт немного ожила, собралась с силами и отважилась самостоятельно выходить за пределы чистилища, когда Андрей был занят. А занят он был почти круглосуточно. Парень помогал всем своим многочисленным родственникам и друзьям, сопровождая их во время поездок, важных мероприятий и встреч, различных жизненных испытаний. Андрей чувствовал, когда человеку нужна была поддержка, и мчался утешать и успокаивать как знакомых, так и незнакомцев. Только самоубийц он избегал, поскольку прежние

упорство и уверенность после случая с Кэт оставили его. Кэт не чувствовала посторонних так, как Андрей. То ли он обладал особым даром проникаться человеческой болью, то ли девушка была глуха к ней, но когда Андрей, указывая на человека в толпе, говорил: «Ему больно, надо помочь», — Кэт не видела израненной души за непроницаемым и похожим на тысячи других серым лицом.

Каждый раз, собираясь исполнять обязанности ангела-хранителя, Андрей приглашал Кэт составить ему компанию. Девушка не соглашалась. Ей было безразлично, какая судьба постигнет троюродного брата двоюродной тети матери Андрея, а притворяться у нее не было ни сил, ни желания. Андрей несколько раз предлагал Кэт посетить близких девушки, однако Кэт чувствовала ко всему, связанному со своей прошлой жизнью, непреодолимое отвращение. Должно было произойти нечто действительно необычное, чтобы девушка вернулась в эту ужасную ловушку.

Однажды Андрей вернулся расстроенным.

— Что случилось? — поинтересовалась Кэт, подготовившись слушать пространный ответ в пол-уха.

— Если бы ты интересовалась жизнью своей семьи, ты бы знала, что произошло! — сердито

сказал парень.

— Ну что такое? — устало спросила Кэт.

— Твоя мать в больнице. А отчим у участкового милиционера. Отчим ее избил. Сильно избил. Я не мог помочь, я поздно узнал об этом ужасном случае.

Сердце Кэт сжалось, но она не шелохнулась. Девушка подумала, что оба они заслужили то, что с ними произошло.

— Ты наведишь мать? — нетерпеливо спросил Андрей.

— Нет.

— Почему?! — воскликнул парень.

— Потому, что когда меня били и насиловали, она равнодушно слушала мои мольбы о помощи из соседней комнаты!

— Должно же быть что-то, что ее оправдывает! — ошеломленно сказал Андрей.

— Возможно! Но в таком случае должно быть что-то, что бы оправдало сейчас меня!

Андрей задумался и сказал сам себе:

— Но нельзя ведь все так оставить!..

Кэт потеряла виски. Когда-то ее постоянно мучила жестокая головная боль, и привычка массировать лоб во время волнений осталась до сих пор. Много лет девушка жила в постоянном ожидании боли, и единственное, что можно было сделать, как ей казалось, — достойно вытерпеть

боль, крепко стиснув зубы.

Конечно, все это нельзя было так оставить. Кэт прекрасно знала, что отчиму не грозит правосудие: его товарищ-участковый покроет мерзкую жирную тварь, даже если отчим кого-то убьет. Впрочем, кто-то должен проучить преступника. Если никто из живых не может этого сделать, вмешаться обязаны мертвые.

Кэт направилась к выходу.

— Ты куда? — удивился Андрей.

— В гости.

В комнате было темно. Кэт прислушалась. Отчим ворочался и сопел на диване. Девушку передернуло от знакомых звуков. Кэт на мгновение стало обидно, что она нарушила данное себе обещание, вернувшись в это ненавистное гнездо зла и разврата. Впрочем, жажда мести была сильнее всех остальных чувств и стремлений. Кэт подошла к отчиму и изо всех сил толкнула его в бок.

— Умммм! — отчим перевернулся и снова замер.

Девушка ударила мужчину в живот. Отчим вскрикнул от необычного резкого ощущения холода в желудке и вскочил.

— Что?! Что такое?!

— Свинья! Преступник! — закричала Кэт.

— Кто здесь?! — прошептал мужчина.

— Я, Кэт! Кэт! Ты меня не забыл?! Не забыл, скотина?! — кричала девушка отчиму прямо в ухо.

Мужчина вскочил на ноги.

— Кэт?! Кэт, ты?!

Девушка снова ударила отчима. Мужчина почти не чувствовал боли, но липкий ужас сдавил его в тисках.

— Ты меня не забудешь! Ты раскаешься! Ты будешь плакать горькими слезами из-за своего преступления!

— Чего тебе надо?! — кричал, отступая в угол комнаты, мужчина.

— Я хочу проучить тебя! Я хочу пробиться к твоему сердцу сквозь слой сала! — сказала Кэт, щипая отчима за пузо, жирные руки и ноги.

Мужчина замахал руками, пытаясь отогнать невидимого нападавшего. Отчим споткнулся о пустые бутылки и упал на пол.

— Черт! — закричал он. — Пошла вон! Сатана! Сгинь!

Девушка пнула мужчину ногой.

— Не трогай меня! Не трогай, пожалуйста!

Кэт засмеялась.

— Пожалуйста?! Вспомнил о вежливости?! Знай: всегда есть противник, который сильнее тебя! Тебе повезло, что я не могу тебя убить! Но я могу заставить тебя убить себя самого! Жаль, Андрей не позволит мне этого сделать! Впрочем, я и сама не

хочу, чтобы этот мой поступок унизил меня еще больше, чем твое преступление!

Девушка исчезла. Мужчина сидел на полу, тряся, тихо ругался и растирал ушибленный локоть.

Андрей сразу заметил, что Кэт необычно веселая и возбужденная.

— Что-то хорошее произошло? — с надеждой спросил парень.

— Да!

— Что именно, если не секрет?

— Не секрет! Разговаривала сегодня с отчимом. Кажется, он начинает раскаиваться!

— О, это же прекрасно! И как тебе удалось этого достичь?

— У меня свои методы! — загадочно улыбнулась Кэт.

— Надеюсь, гуманные? — забеспокоился Андрей.

— Надейся! — засмеялась Кэт и отвернулась.

На следующий день Кэт навестила отчима в рюмочной. Мужчина сидел один за засаленным столом и медленно высасывал водку из грязной рюмки. Девушка села напротив отчима.

— Ну что, скучаешь без меня?

Отчим поднял глаза и вздрогнул.

— Опять ты! — обреченно сказал он.

— Как бы ты хотел умереть? — улыбаясь, спросила Кэт. — Тебя задушить, побить, сбросить с крыши? Хочешь, толкну под машину?

Пьяные глаза мужчины наполнились ужасом.

— Отстань! Чего ты хочешь?! — закричал он.

Мятые и грязные завсегдатаи рюмочной безразлично взглянули на мужчину.

— Я хочу жить! — грустно ответила Кэт. — Хочу друзей, семью, детей. Шить хочу. Почему я должна была все из-за тебя потерять?!

— Из-за меня?! — искренне удивился отчим. — Да что я тебе такого сделал?! Неужели из-за такой ерунды бросаются с крыши?!

— Мою жизнь сломали! И ты — в первую очередь!

— Не надо было цепляться ко мне, сердить, дразнить!

— Так я сама виновата в том, что со мной случилось?! — вскочила Кэт.

— А кто полез ко мне драться?!

Кэт бросилась к мужчине, намереваясь вцепиться ему в волосы.

— А мать тоже лезла к тебе драться?! Лживая, похотливая, коварная тварь! — закричала Кэт. — Как только ты уснешь, я тебя зарежу! Я задушу тебя подушкой! Ты уже не будешь жить, ты сдохнешь, клянусь!

— Спасиииитеее! — завопил отчим. — Люди, помогите! Помогите!

Пьяницы грустно смотрели на мужчину, который барахтался посреди комнаты и захлебывался криком, зевали и вздыхали.

— Белка, товарищи! — констатировал худой старик в треснувших очках.

— Здесь нет людей, и тебе никто не поможет! — отступая от отчима, сказала Кэт.

Как только Кэт вернулась, ее уже ждал Андрей. Его голубые глаза потемнели, на красивое лицо упала тень печали. Девушка сразу поняла, что друг знает о ее выходке.

— Что ты скажешь в свое оправдание? — ледяным тоном спросил Андрей.

— Что он — свинья!

— Этого недостаточно, чтобы его мучить!

— Тогда он хуже свиньи! И этого достаточно, чтобы его убить!

— Кэт, пожалуйста, иди дальше! — вздохнул Андрей. — Оставь эту грязь, эту боль в прошлом!

— Тебе легко говорить! — вспыхнула Кэт. — Как такое можно забыть?!

— Я не советую забыть, я советую оставить!

— А разве ты оставил свое прошлое?!

— Нет, потому что в нем — мое будущее! А у тебя, если ты продолжишь оглядываться назад,

будущего не будет!

— И не надо! Зачем мне жить?!

— Чтобы радоваться, исполнять свои желания, делать добро другим!

— Не убедил!

— Чтобы обрести настоящую любящую семью!

— А стоит ли рисковать?!

Андрей взял девушку за руку и повел к выходу из пустыни.

— Куда ты меня тащишь?! — возмутилась Кэт.

— Хочу кое с кем познакомить! — улыбнулся парень.

Андрей и Кэт оказались в тени раскидистого каштана. На детской площадке супруги играли с веселым черноволосым мальчиком лет пяти.

— Вот мои родители! — улыбаясь, указал на пару Андрей. — Мама поседела. Как досадно! У нее были такие красивые каштановые волосы!

Кэт смотрела на счастливую семью, и в ее душе просыпалась ядовитая змея зависти. Никогда родители не играли с ней, никогда не целовали, не гладили головку, никогда отец не поднимал на руках высоко-высоко к небу. У нее не было детства. У нее не было настоящей жизни. И уже не будет.

— Ты ненавидишь их? — тихо спросила Кэт. — Своих родителей?

— Ненавижу?! — удивился Андрей. — Что ты! Я их обожаю!

— Они были хорошими?

— Они и сейчас хорошие!

— Но не для тебя, — сказала Кэт. — Ты завидуешь этому ребенку? Только честно! Завидуешь, что он живет, что он живет с ними?

— Иногда, — шепотом ответил парень. — Когда догорает день, когда сумерки окутывают деревья синим туманом и последние вспышки солнца гаснут в окнах многоэтажек, я ему завидую. В это время хочется вернуться домой. В это время все счастливые люди возвращаются к тем, кого любят. А мне некуда вернуться.

— Почему ты не идешь к себе домой?

— Знаешь, когда я возвращаюсь домой, я не чувствую себя хозяином этой квартиры. Не уверен, что в нашем положении мы имеем право на что-то или на кого-то претендовать. Мои родители очень тяжело переживали мою смерть. Они любили и любят меня, но я вполне осознаю, что мы друг другу больше не принадлежим. Чтобы человеку жить и жить счастливо, ему нужно кого-то любить. Мне есть для чего жить, поскольку я знаю, что есть они. Им было труднее: они не знали, что я рядом с ними. Мне было больно наблюдать за их страданиями. Я решил, что если уж я не смог спасти себя, то мне по крайней мере нужно спасти

родителей. Я надоумил их взять из детдома этого маленького Мишку. Конечно, его присутствие не освобождает родителей от боли полностью, но я вижу по их лицам, что они способны радоваться. И я хочу, чтобы они радовались жизни, ведь жизнь прекрасна, и они прекрасны!

Кэт внимательно смотрела на Андрея. Казалось, боль и страх не задерживались в нем. Он плыл сквозь черные воды и оставался кристально чистым. Кэт не верилось, что мертвый человек может так любить и уважать жизнь.

— Скажи, Андрей, — наконец произнесла девушка, — как ты пережил свою смерть? Как мне ее пережить?

Андрей улыбнулся.

— Дело в том, что я полностью не умирал, — ответил парень. — Каждый человек носит в себе зародыш смерти — болезнь духовную или физическую, которая год за годом набирает силу, высасывает из человека радость и наконец убивает. Тысячи людей умирают еще при жизни: физическая их оболочка нормально функционирует, но сердце уже осквернено, мертво, уже червь зависти, злобы, отчаяния источил душу так, что ни один лучик света не задерживается в ней. Человек умирает не тогда, когда останавливается сердце, а тогда, когда сердце ничего не чувствует.

— Я не знаю, что мне делать! — вздохнула

Кэт. — Как мне заставить себя жить, помогать людям, если я их ненавижу и боюсь, если их счастье печет меня и мучает, как кипяток?! Почему я должна помогать тем, кто не помог мне?! Почему я умерла несчастной, а должна заботиться о том, чтобы они жили и жили счастливо?!

— Кэт, ты должна понять, что прежняя твоя жизнь окончена! Люди, вредившие тебе, проблемы, донимавшие тебя, уже не имеют и никогда не будут иметь над тобой власти! Возможно, твоя последующая жизнь будет нелегкой, и нет сомнений, что ты снова умрешь, но сейчас ты сама выбираешь свое будущее. Основной вопрос — быть или не быть — ты решаешь здесь и сейчас. Ты можешь ничего не бояться, потому что сегодня только ты одна управляешь своей жизнью. Ты можешь вредить или помогать людям, и только ты будешь за это отвечать. Только из твоих поступков сложится твоя последующая жизнь. Разве это не благо для человека? Разве это не высшая справедливость?

— Что ты знаешь о справедливости?! — рассердилась Кэт. — Мы родились, жили и умерли в совершенно разных условиях! Твоя жизнь была прекрасной благодаря прекрасным родителям, а я не видела ничего, кроме грязи, лжи и боли. Почему так?! Ты думаешь, я глупая, бестолковая, грубая и омерзительная?! Думаешь, по натуре я хуже тебя?!

Нет, вовсе нет! Если бы у меня было достаточно еды, одежды, игрушек и книг, если бы меня хоть кто-то любил, я бы стала совсем другим человеком! Но у меня не было ничего! И где же справедливость?!

— Все люди рождаются и все умирают — вот тебе и справедливость!

— Знаешь, что будет высшей справедливостью? Затащить скотов, сломавших мою жизнь, на крышу дома и столкнуть вниз. Когда их мозги растекутся по асфальту, тогда я поверю в справедливость!

— Справедливость начинается с тебя, — спокойно сказал Андрей. — И кроме справедливости, есть еще и милосердие.

— Пусть милосердными будут те, кому не вырвали из груди сердце! — сказала Кэт.

— У тебя есть возможность заполнить пустоту в груди! — ласково сказал Андрей. — Пожалуйста, оставь его в покое! Ради меня!

Кэт недовольно фыркнула, но все-таки прислушалась к другу.

Вскоре Андрей сообщил Кэт, что ее слова не на шутку испугали отчима, и мужчина не спал несколько дней, сидя в углу комнаты с ножом наготове.

— Кэт, он так может с ума сойти! — сказал с

сочувствием парень. — Он думает, ты хочешь его убить!

— Так и есть, я хочу! — призналась Кэт. — И если я не могу его убить — я заставлю его страдать!

— Сегодня ему на работу, — напомнил Андрей. — Он может попасть в аварию.

— Ну и что?! Побежишь его спасать?!

— А ты?

— Я могу снова прийти к нему! — улыбнулась Кэт. — Но хочет ли он этого?

— Думаю, нет, — задумчиво сказал Андрей. — Ты позволишь мне сегодня за ним присматривать?

— Делай, что хочешь! — раздраженно сказала Кэт. — Мне все равно!

— А мне — нет! — сказал Андрей и направился к выходу из чистилища.

— Вот дурбецел! — зашипела девушка и, недолго думая, последовала за другом.

Андрей и Кэт появились в кабине грузовика, когда отчим, клюя носом, уже начал клониться на руль.

— Надо его разбудить! — сказал Андрей.

— Зачем?

— Чтобы он не разбился!

— Как по мне, так пусть разобьется! — заявила девушка.

— Машина сойдет с шоссе! — воскликнул

Андрей и встряхнул водителя за плечо. Мужчина не реагировал. — Кэт, помоги!

Неуправляемый грузовик забирал вправо. Девушка знала эту улицу как свои пять пальцев. В нескольких сотнях метров на пути машины — детская площадка неподалеку от школы. Маленькие дети будут весело колупаться в песке, когда их подомнет тяжеленный грузовик. Кэт не было жаль этих мелких капризных сосунков, и она не чувствовала душевной потребности их спасти. Но испуг и волнение Андрея почему-то передались ей, и девушка, толкнув отчима, закричала:

— Проснись! Проснись!

Мужчина наконец поднял голову и вытаращил красные, безумные глаза на Кэт.

— Тормози! Тормози! — завопили в один голос парень и девушка.

Водитель нажал на тормоза. Грузовик резко остановился, развернулся перед входом в парк и обдал людей, разбегавшихся во все стороны, землей и песком.

— Фуууух! — выдохнул отчим и вытер рукавом пот со лба.

— Какое счастье! — засмеялся Андрей. — Получилось! Кэт, у меня руки трясутся!

Кэт молча, сжав губы, смотрела на отчима. Ей было жаль, что опасность миновала, и с мужчиной ничего не случилось. Более подходящего случая

погубить врага у нее может уже и не быть.

— Кэт, спасибо! — прошептал пересохшими губами отчим. — Прости меня!

Девушка замотала головой. Ее душили запоздалые слезы и досада.

— Ты права, я — ужасный человек, Кэт, — вздохнул отчим. — Дурной пьяница. Ты убей меня сразу, сейчас, если не можешь простить. Мне не жить, Кэт. Я с ума сойду. Мне жалко, что так вышло. Я не думал, что так будет. Я не думал...

— Иди к черту! — закричала Кэт. — Пусть он судит тебя и прощает! Я не верю тебе и никогда не верила! Я оставлю тебя в покое, но не для тебя, а для себя! И если ты хоть раз притронешься к матери, я выверну из тебя душу, клянусь! Я тебя уничтожу, понял?!

Отчим тяжело дышал и кивал.

— Пойдем! — приказала Андрею девушка. — Здесь больше нечего делать!

Друзья мгновенно исчезли из кабины. Неверующий мужчина успел перекреститься, прежде чем услышал шум толпы, собиравшейся вокруг грузовика.

Кэт много раз задумывалась над тем, как умер Андрей. С одной стороны, ей было интересно узнать такую интимную деталь его биографии, с другой — страшно представлять, как боль

скручивала все его тело, как от ужаса кружилась голова, как останавливалось сердце и прерывалось дыхание. Девушка могла представить, как он умер, но не могла понять — зачем. Ее гибель была логическим продолжением жалкой и ужасной жизни. Да и сама она как человек ничего не стоила. Конечно, в какие-то моменты жизни она бывала о себе высокого мнения, но после знакомства с Андреем девушка поняла, что ей просто не на кого было равняться. Болезнь и смерть Андрея казались Кэт противоестественными. У парня было все, чего только можно пожелать, — острый ум, доброта, талант, приятная внешность, любящая семья и друзья, грандиозные планы на долгую счастливую жизнь. Но коварная опухоль разрушила его будущее. Кэт не понимала, почему она появилась. Почему именно у Андрея, почему в таком юном возрасте? Зачем было создавать идеального человека, а потом его убивать? В этом не было смысла, не было справедливости. Кэт не могла поверить в жизнь, откуда она позволяла смерти так легко ее побеждать.

Однажды вечером, когда друзья прогуливались по Нью-Йорку, забыв обо всех дневных заботах, Кэт не удержалась и спросила:

— Андрей, а как ты... умер?

Парень улыбнулся.

— Я уже давно жду, когда ты спросишь.

— Мне было неловко, — призналась Кэт. — И страшно.

— Думаю, теперь у нас не может быть друг от друга тайн, — заметил Андрей.

Кэт кивнула.

— Так как? — повторила вопрос девушка.

— Я понял, что надежды нет, когда мой крестный, врач, прекратил надо мной смеяться. Знаешь, он очень хороший и веселый, но шутки у него своеобразные. Особенно достается его пациентам. Не каждый может нормально отреагировать на сообщение хирурга, что он случайно удалил не тот орган. Так вот, когда я только заболел, крестный требовал, чтобы я соблюдал режим, вовремя принимал лекарства, таскал меня повсюду к своим знакомым-докторам. Он каждый вечер гулял со мной и говорил, что если я не буду следовать его советам, то пойду на органы. И вдруг он замолчал. Сник, помрачнел, даже внешне стал меньше, словно ему на плечи легло неизбежное бремя. Он оставил меня в покое, потому что ничего уже нельзя было поделать. Я притворялся, что ничего не понимаю. Только после серьезного приступа, когда я едва пришел в себя, он строго посмотрел на меня и сказал: «Готовься». Я ответил, что готов. Он кивнул и сказал: «Я тоже».

За следующий месяц я посетил ближайших

родственников и друзей, каждому оставил что-то хорошее на память. Упорядочил свои стихи, уничтожил дневники, раздал вещи, которые уже были не нужны. Родители не позволяли себе слез и истерик. Они были похожи на средневековых воинов, которые готовились к тяжелой осаде, — серьезные, спокойные, возвышенные.

В апреле прошлого года я попросил крестного поехать со мной на море. «Я хочу отдохнуть, — сказал я ему. — Полностью отдохнуть, ты понимаешь?» «Я понимаю, — сдержанно сказал крестный, хотя в его глазах я видел боль и ужас. — Мне надо подготовиться».

Через несколько дней мы отправились в путь. Остановились в домике на побережье. Сезон только начался, людей на пляжах почти не было. Буйствовала молодая зелень, цвели сады. Я много купался, хотя вода была холодной. Я не боялся простудиться. Я ничего не боялся.

Отпуск крестного заканчивался. Мы поднялись на холм, с которого открывался вид на море и Медведь-гору. Там никогда никого не было, там мы спорили о разных интересных вещах и наслаждались закатом солнца. «Я хочу сейчас!» — сказал я ему. «Хорошо, держи», — не задумываясь, крестный достал из кармана и протянул мне пакет с каким-то порошком. Я проглотил порошок и лег на землю. Шумели волны, кричали чайки, пахло

миндальным цветом.

«Тебе больно?» — спросил крестный. «Мне никогда не было так легко, так спокойно», — признался я. Он улыбнулся, поцеловал меня в лоб и лег рядом со мной.

День догорал, угасало солнце. Хотелось спать. Я закрыл глаза. До сих пор не знаю, что он мне дал. Я полностью доверял крестному, я знал, что он сделает все так, как надо. Я никогда не сомневался в том, что мы поступили правильно.

Очнулся я в пустыне, совсем один. Пока я понял, где я и как отсюда выбраться, мое тело уже доставили домой. О похоронах я рассказывать не буду, все было печально и банально. Крестный плакал над моим гробом. Кажется, он до сих пор не верит, что все-таки спас меня.

Кэт ошеломленно смотрела на Андрея. Парень был спокойным и улыбочивым, будто рассказывал об интересном приключении.

— Разве ты не боялся умереть? — спросила девушка.

— Нет, вовсе нет. Я боялся умирать. Но все вышло очень хорошо, не так ли? — подмигнул подруге Андрей.

— Как ты можешь радоваться, когда позади у тебя смерть?

— Потому что впереди у меня — жизнь! — засмеялся Андрей и потянул Кэт сквозь толпу на

Пятой авеню.

На следующее утро Андрей попросил подругу составить ему компанию во время странствий. Кэт не знала, куда они направляются. Цель путешествия девушку все чаще не волновала. Важно было, что они движутся сквозь пространство, сквозь затаенную боль и страх вместе, и что на Андрея можно целиком и во всем положиться.

— Почему ты не спрашиваешь, куда я тебя веду? — поинтересовался Андрей, помогая подруге подниматься по каменистому склону.

— Куда бы ты меня не вел, там мне будет лучше, — задумчиво сказала Кэт.

— Кажется, я заслужил высочайшее доверие? — подмигнул девушке Андрей.

Кэт молча кивнула.

— Мы сейчас в Крыму, ты поняла?

— Нет, я никогда здесь не была.

— Знаешь, мне очень приятно, что я первый показываю тебе такие прекрасные вещи! — радостно отметил Андрей. Он подвел Кэт к обрыву. — Смотри, это — море! Видишь, сколько вокруг солнечной лазури?!

Кэт посмотрела вниз, и ее сердце сжалось от восторга и высоты.

— Сегодня штиль, — улыбнулся Андрей. — На море и в моей душе.

Кэт впервые видела море. Ее поразила безграничность воды, необозримый шатер летнего неба, едва заметные волны, осторожно касающиеся гладких камней на берегу. Она никогда не думала, что в жизни бывают такие потрясающе-красивые моменты.

— Я прихожу сюда подумать, — пояснил парень. — Подумать над тем, что было, и что будет. Здесь мне очень трудно избавиться от «но» и «если бы». Однако, я научился не думать о том, что могло бы быть. Здесь я умер. Здесь я выиграл важнейшую битву с собой. Здесь я стал свободным.

Девушка смотрела на солнечные искры, рассыпанные по поверхности воды. До чего же прекрасна бескрайняя синева, сколько в ней света и тепла! Как хочется снова всю чувствовать мир и людей, наслаждаться прикосновением к мокрой траве, горячим камням, вкусом воды — ведь говорят, что море соленое, а она не может в этом убедиться.

— Кэт, я уверен, что ты прекрасный человек, потому что только с действительно хорошими людьми, к сожалению, происходят такие ужасные вещи! — грустно улыбнулся Андрей. — Ты достойна лучшего! Ты должна бороться за свое будущее! Я помогу тебе! Хочешь верь, хочешь — нет, но ты мне небезразлична! Я хотел бы дать тебе все, что имею, но у меня нет ничего, кроме любви!

Пожалуйста, прими мою дружбу!

— Я ее принимаю! — улыбнулась Кэт. — Мне хочется жить! Хочется попробовать все исправить, начать все заново, будто в моей жизни не было смерти!

— Мы попробуем! — взял девушку за руку Андрей. — Только вместе!

— Давай! — Кэт сжала ладонь друга, и ей показалось, что она чувствует тепло его тела. — Спасибо тебе за все!

Мать лежала лицом к стене, обхватив желтыми руками острые колени. Девушка села на краешек больничной койки и заглянула маме в лицо. Женщина смотрела на солнечный зайчик, который бегал по затертых обоях. На упрямо сжатых губах женщины запеклась кровь, под левым глазом расплылся огромный синяк. Мать казалась такой измученной, маленькой, беззащитной, что сердце Кэт сжалось от жалости и боли. Девушка погладила худое плечо матери. Женщина вздрогнула, посмотрела на плечо и осторожно коснулась его длинными бледными пальцами.

Кэт никогда не понимала матери, даже не пыталась разгадать тайну ее темной, неподвижной, закрытой для мира души. Девушка только знала, что мать страдает, и считала своим долгом это страдание с матерью разделить. Расспрашивать

мать о ее планах, вычитывать за ошибки, пытаться доказать свою точку зрения было бесполезно — женщина оставалась глухой ко всему, что происходило вокруг нее. Кэт не понимала матери, однако, несмотря ни на что, любила.

Девушка почти каждый день до и после смерти мысленно упрекала мать за ее равнодушие, за почти полное отсутствие в своей жизни. Иногда Кэт желала матери зла, потому что женщина не могла или не хотела защитить дочь от него. Сотни раз девушка жалела о том, что родилась. Однако только сейчас Кэт поняла, что жизнь — бесценна. И любой поступок матери — плохой или хороший — ничего не стоит в сравнении с тем, что эта женщина подарила ей возможность быть.

Даже сейчас, после смерти, Кэт не представляла, что она может не существовать. Если в шаге от гибели девушка жаждала небытия, то сейчас, вкусив лишь частичное отчуждение от мира, Кэт панически боялась исчезнуть навсегда. Ей становилось до боли жутко от одной мысли об утрате всех своих старых мечтаний и новых добрых намерений, приобретенного опыта и будущих радостей. И главное — Кэт боялась потерять Андрея, единственного из людей, кто стремился согреть ее сердце и вернуть подругу к жизни. Девушка давно поняла, что ей не нужен был якорь. Ей нужен был маяк, и Андрей рад был осветить ее

жизнь.

Кэт чувствовала в последние дни облегчение и душевный подъем. Она все еще не готова была простить преступное бездействие матери, но могла по крайней мере с ним смириться. И двигаться дальше. Вместе с Андреем.

Кэт склонилась над матерью и поцеловала ее редкие невымытые волосы. Женщина заплакала.

— Доченька, доченька! — шептала она, глядя на солнечный зайчик.

— Я не оставлю тебя, обещаю! — сказала Кэт. — Я позабочусь о тебе, мамочка!

Девушка подбежала к врачу, который заглянул в палату, и прошептала ему на ухо:

— Пожалуйста, позаботьтесь о моей маме! Прошу вас, помогите ей выздороветь! Поверьте, всякое доброе дело вам зачтется! Добро вернется к вам! Не жалейте его для своих больных!

Молодой врач улыбнулся своим мыслям и подошел к матери Кэт. Мужчина склонился над пациенткой, с сочувствием заглянул в лицо и осторожно коснулся худого плеча.

— Вставайте, пожалуйста! — ласково попросил врач. — Поешьте! Сегодня вкусный борщ! Поверьте, вам станет лучше! Обещаю, со временем боль отступит!

Женщина зашевелилась, недоверчиво посмотрела на врача, но все же поднялась.

— Скоро станет легче? — одними губами спросила пациентка.

— Скоро! — улыбнулся мужчина.

Однажды, когда друзья сидели рядом с матерью Кэт на скамье в парке, Андрей радостно сообщил девушке:

— Я нашел человека, которого хочу спасти!

Кэт улыбнулась.

— Это хорошо!

— Хочешь, покажу?

Кэт не хотела заниматься спасением посторонних людей ни сейчас, ни когда-либо, однако Андрей сиял от счастья, и девушка понимала, что ему хочется поделиться радостью с подругой. Тем более, время пребывания Андрея в чистилище заканчивалось. Нужно было поддержать парня в его добрых намерениях и помочь воплотить их в жизнь.

— Хочу! — сказала Кэт и вместе с Андреем вошла в портал.

Друзья оказались в темной и холодной комнате. На журнальном столике мигал маленький черно-белый телевизор. Фигура, закутанная в синее шерстяное одеяло, не останавливаясь, двигалась из угла в угол и бормотала:

— Прекрати... прекрати... прекрати...

Вдруг человек бросился к двери, подергал их

и закричал:

— Прекрати! Выпусти меня!

Голос показался Кэт знакомым.

— Ты будешь сидеть там, пока не возьмешься за ум! — рывкнул из-за двери мужчина. — О чем ты думаешь?! Или ты не думаешь вообще?!

— Я не буду, не буду, клянусь! — закричал узник темной комнаты.

Кэт передернуло. Это Иван! Это его голос звучит из-под синего одеяла! Голос изменился — стал глухим и хриплым, как у человека с больным горлом, но девушка его узнала.

— Я не верю твоим словам! Я тебе больше не верю! — закричал из-за закрытой двери мужчина.

— Что с ним такое?! — шепотом спросила у друга Кэт.

— Наркоман. Как я понял, отец не смог помочь парню, поэтому вынужден был силой разлучить его с плохой компанией, перевезти в глухое село и поселить в этом флигеле вдали от других домов, чтобы люди не слышали круглосуточного шума.

— Ты — изверг! — захрипел Иван. — Ты убиваешь меня, ты меня мучаешь!

— Мне надо было взяться за тебя раньше! Я, идиот, все тебе позволял, все подносил на блюдечке под самый нос, клал в рот да еще и пережевывал! А ты?! Вместо того, чтобы учиться, работать, стать

родителям в старости утешением, зажрался и пустился во все тяжкие! Ты же не от горя, ты с жиру все это затеял, дурак!

— Я себя убью! Ты слышишь?! — снова закричал Иван и постучал в дверь. — Выпусти! Мне надо! Я повешусь!

— Вешайся! — холодно бросил отец. — Хватит нас мучить!

— Ты не веришь?!

— Не верю! Я не позволю тебе снова шантажировать нас самоубийством!

Иван пнул дверь босой ногой, вскрикнул, сел на пол и схватился за травмированную ступню.

— Изверг! — шипел юноша, растирая пальцы. — Прекрати! Выпусти меня, выпусти!..

— Ты действительно хочешь ему помочь? — спросила Кэт.

— Хочу! Я слышал о нем много хорошего от его родителей. Они плачут, обнявшись, когда он не видит. Они говорят, он был воспитанным, умным, добрым. С помощью родителей он мог достичь значительных успехов в жизни!

Кэт хмыкнула. Воспитанный, умный, добрый? О, она тоже когда-то так думала! А он оказался коварным, хитрым и злым!

Иван застонал, ползком добрался до кровати и попытался устроиться на ней, но ни одна поза, похоже, не облегчала боль, и юноша извивался на

помятой простыне.

— Можно ли верить тому, что говорят родители? Для родителей ребенок, каким бы он ни был, всегда самый лучший! — сказала девушка.

— Я верю тому, о чем его родители говорят между собой!

— Может, они не обо всем знают?

Андрей пожал плечами.

— Тебе он не понравился? — с грустью спросил парень. — Смотри, он молодой, красивый, он страдает!

Кэт заставила себя посмотреть на Ивана. Конечно, внешность юноши до сих пор могла волновать, но взгляд Кэт невольно притягивал сам Андрей.

— Ты уверен, что он действительно покончит с собой? Не думаю, что этот избалованный молодчик сможет себя убить!

— Я видел, как он делал из простыни петлю, — сказал Андрей. — И я не позволю этой петле затянуться на шее молодого человека!

— А если не получится?

— Получится! — решительно сказал Андрей. — Вместе мы справимся!

Кэт ничего не ответила. Друзья вернулись в чистилище, вскоре Андрей отправился к родителям. Девушка легла на песок, глядя на недвижимое стальное небо.